

The background of the entire image is a textured surface with a cracked, stone-like appearance. It features the colors of the Russian flag: white at the top, blue in the middle, and red at the bottom. The cracks are dark and irregular, running across the entire surface.

Максим Кулагин

Вихрь-Фронтальная дорожка

Часть 3

Мирная жизнь

Максим Кулагин
Вихрь-Фронтальная дорожка
часть 3 Мирная жизнь

<https://litres.ru/74519409>

SelfPub; 2026

Аннотация

В третьей части Вихрь пытается стать не командиром, не бойцом, а просто человеком — сыном, мужем, другом, тем, кто умеет слушать и говорить без оглядки на опасность. Но старые привычки держаться особняком, привычка отвечать за всех и не показывать слабость мешают ему построить простые, тёплые отношения. На фоне обычных дней — разговоров за чашкой чая, встреч с друзьями, попыток помочь близким — раскрывается главная драма: как вернуть себе право на уязвимость и научиться принимать чужую поддержку. Это история о долгом, неровном пути к внутреннему миру.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 4(продолжение)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Максим Кулагин

Вихрь-Фронтонная дорожка

часть 3 Мирная жизнь

Глава 1

Город встречал Вихря не парадными улицами и не улыбками прохожих — он встречал его тишиной. Той самой, от которой внутри всё сжимается, потому что она слишком громкая. Вихрь стоял на остановке, сжимая в пальцах лямку старой спортивной сумки, и смотрел, как по асфальту ползёт тень от троллейбусных проводов. Где-то вдалеке урчал мотор, где-то хлопала дверь, но всё это было будто не про него — будто он стоял за стеклом, а жизнь шла по ту сторону.

Он вернулся не героем и не жертвой — просто вернулся. И теперь этот город, который когда-то знал каждый его переулок, каждый кривой забор и каждую скамейку у подъезда, смотрел на него с осторожным любопытством, как на чужого.

Автобус, на котором он приехал, уже уехал, оставив после себя запах бензина и пыли. Вихрь глубоко вдохнул — и не почувствовал ничего знакомого. Ни запаха свежей выпечки из булочной на углу, ни сырости старого двора, ни даже того

особого запаха дождя на разогретом асфальте. Всё было чужим. Или это он стал чужим.

Он медленно пошёл вперёд, не торопясь. Ноги сами помнили дорогу, хотя голова пыталась строить новые маршруты. Мимо проехала легковушка, водитель коротко посигналил — не ему, конечно, кому-то другому, но Вихрь вздрогнул и чуть не шагнул назад, к обочине. Потом усмехнулся над собой: здесь не стреляют, здесь просто сигналият.

Двор, в котором он вырос, почти не изменился. Те же качели, только теперь без цепей, болтающиеся на ржавых петлях. Та же песочница, в которой когда-то строили крепости и прятали «секретики» под стёклышками. Только теперь в ней валялся пластиковый пакет, гонимый ветром.

Подъезд пах тем самым запахом — смесью старой краски, мокрого бетона и чьей-то еды. Вихрь поднялся на третий этаж, чувствуя, как с каждым шагом нарастает напряжение. Он не звонил заранее. Не хотел слышать в трубке чужой, осторожный голос, который будет подбирать слова. Он хотел просто прийти.

Дверь открылась почти сразу. На пороге стояла мама. Она будто знала, что он придёт. Или просто ждала каждый день, каждую минуту, вот так, у двери, прислушиваясь к шагам на лестнице.

— Сынок... — только и сказала она, и голос её дрогнул.

Вихрь шагнул внутрь, поставил сумку на пол и обнял её. Крепко, до хруста в плечах, будто хотел впитать в себя этот

запах дома, этот тихий голос, эту хрупкость, которую он так боялся потерять.

— Я дома, мам, — прошептал он. — Я вернулся.

Она гладила его по спине, по плечам, будто проверяя, настоящий ли он, не сон ли это.

— Ты похудел, — сказала она наконец, отстраняясь, но не выпуская его из рук. — Совсем себя не бережёшь.

Вихрь улыбнулся — криво, неловко, но искренне.

— Теперь буду беречь, — пообещал он. — Теперь можно.

Из комнаты выглянула сестра. Она выросла. За то время, пока его не было, она превратилась из маленькой девочки в подростка, и в её взгляде было столько вопросов, что не хватило бы дня, чтобы на все ответить.

— Привет, — тихо сказала она. — Ты правда вернулся?

— Правда, — кивнул Вихрь. — И никуда больше не уйду. По крайней мере, не так надолго.

Они прошли на кухню. Мама тут же засуетилась — достала кастрюлю, начала что-то разогревать, бормоча себе под нос, что надо было приготовить что-то особенное, а она не знала. Вихрь сел на свой старый стул, тот самый, с расшатанной ножкой, который он когда-то чинил изолентой. Всё было на своих местах, и от этого становилось и легче, и тяжелее одновременно.

— Рассказывай, — вдруг сказала мама, ставя перед ним тарелку. — Всё, что можешь. Или ничего, если не хочешь. Я просто хочу слышать твой голос.

Вихрь посмотрел на неё, потом на сестру, и понял, что сейчас не сможет рассказать ничего из того, что видел. Не потому что нельзя, а потому что эти стены не должны знать той правды. Пусть здесь будет только он — тот, кто вернулся, а не тот, кем он был там.

— Расскажу, — сказал он. — Но не сегодня. Сегодня я просто хочу поесть твоей еды, посидеть вот так, рядом, и послушать, как вы рассказываете мне про всё, что тут происходило без меня.

Мама кивнула, будто поняла всё без слов. Сестра села рядом, подогнув ноги, и начала рассказывать про школу, про кота, который убежал и вернулся через три дня, про то, как они с мамой посадили цветы у подъезда. Вихрь слушал, кивал, улыбался, и с каждым её словом чувствовал, как понемногу отпускает то напряжение, которое жило в нём месяцами.

Когда стемнело, он вышел на балкон. Город зажгёт огни, и они казались ему теперь не холодными, а тёплыми. Он достал из кармана маленький блокнот, который носил с собой всё это время, и открыл на последней странице. Там было всего несколько строк — короткие заметки, имена, даты, которые он записывал, чтобы не забыть. Он долго смотрел на них, а потом медленно порвал страницу на мелкие кусочки и бросил вниз. Ветер подхватил их и унёс куда-то в темноту.

Вернувшись в комнату, он увидел, что мама и сестра уже спят — мама на диване, сестра на раскладушке. Он укрыв

их пледом, постоял немного, глядя на их спокойные лица, и тихо прошёл в свою комнату. Кровать была застелена свежим бельём, на тумбочке стояла фотография — они втроём, ещё до всего этого.

Вихрь лёг, закрыл глаза и впервые за долгое время почувствовал, что он действительно дома. И что теперь самое трудное — это учиться жить заново. Не выживать, а жить

Глава 2

Город будто подменил сам себя. Там, где раньше Вихрь привык видеть насторожённую тишину, теперь гудел обычный будничный шум: скрип тормозов, голоса из открытых окон, лай собаки где-то в глубине дворов. Он шёл по тротуару, и асфальт под ногами казался слишком ровным — будто специально сглаженным, чтобы стереть память о колее от колёс и гусениц.

Рюкзак на плече был непривычно лёгким. В нём не было ни магазинов, ни аптечки, ни пачки изоленды, которая всегда выручала в самый неподходящий момент. Только сменная футболка, зубная щётка и пакет с мандаринами — он купил их у старушки у перехода, потому что не знал, что ещё взять в гости.

Дом тёти Лены стоял в старом квартале, среди пятиэтажек с облупившейся краской и балконами, увешанными бельём. Вихрь остановился у подъезда, достал телефон, чтобы сверить адрес, и вдруг понял, что не хочет нажимать кнопку звонка. Не потому что боялся, а потому что знал: как только откроется дверь, начнётся совсем другая жизнь — та, в которой его будут спрашивать «как ты?», «что видел?», «когда всё это кончится?», а он не знал, как на это отвечать.

Дверь распахнулась сама. На пороге стояла тётя Лена — в старом халате, с полотенцем через плечо, будто только что

вытирала посуду. Она замерла на секунду, а потом схватила его за рукав и втянула внутрь, будто боялась, что он исчезнет, если не удержать.

— Живой... — прошептала она, прижимая его к себе так крепко, что затрещали швы на куртке. — Господи, живой.

Вихрь неловко обнял её в ответ, чувствуя, как тепло и запах ванильного порошка пробиваются сквозь все слои усталости. Он хотел сказать что-то простое, вроде «всё нормально», но голос застрял где-то посередине.

В квартире пахло жареной картошкой и старыми книгами. На столе лежала раскрытая газета, рядом — стакан с ложечкой, будто кто-то только что пил чай и отошёл на минуту. Из комнаты выглянула племянница Катя, девочка лет двенадцати, с косичками и серьёзными глазами. Она не бросилась к нему, не закричала «дядя Вихрь!», а просто стояла, теребя край футболки, будто проверяла, настоящий ли он.

— Привет, Кать, — наконец выдавил Вихрь, стараясь улыбнуться так, чтобы улыбка не выглядела натянутой. — Я тут... в гости. На какое-то время.

Катя кивнула, будто приняла это как факт, и тихо сказала: — У нас суп. Тёплый. Ты, наверное, голодный.

Он действительно был голоден, но не той привычной, острой голодной пустотой, которая приходит после маршброска. Этот голод был другим — он будто не знал, как просить еды, как садиться за стол, как держать ложку в руке, когда вокруг нет ни приказа, ни задачи, ни линии фронта.

За ужином говорили о пустяках: о том, что в школе задали нарисовать плакат, о том, что у соседа украли велосипед, о том, что зима в этом году придёт поздно. Вихрь кивал, отвечал, старался следить за нитью разговора, но чувствовал, как слова пролетают мимо, будто он слушает их через толстое стекло.

Когда Катя ушла делать уроки, тётя Лена села напротив, сложила руки на столе и посмотрела на него так, как умеют смотреть только те, кто ждал и боялся одновременно.

— Ты можешь не рассказывать, — тихо сказала она. — Если не хочешь. Но если вдруг захочешь — я тут. Просто посижу и послушаю.

Вихрь опустил глаза на чашку с чаем. Пар поднимался тонкими струйками, закручивался и растворялся в воздухе. Он хотел сказать «спасибо», но вместо этого спросил:

— А можно я сегодня просто посижу? Без разговоров. Просто... посижу.

Тётя Лена кивнула, встала, накинула на его плечи плед и тихо вышла на кухню, оставив дверь приоткрытой — чтобы он знал, что не один.

И тогда Вихрь впервые за долгое время позволил себе выдохнуть. Не глубоко, не до конца — будто боялся, что если выдохнет полностью, то всё, что он столько месяцев держал внутри, вырвется наружу и затопит эту маленькую, тёплую, мирную квартиру

Глава 3

Вихрь не сразу понял, что тишина здесь — другая. Не та, что бывает между залпами, когда воздух ещё дрожит от прошедшего удара, а ты ждёшь следующего. Здесь тишина была... сытой. Спокойной. Будто мир давно договорился сам с собой, что больше не будет грохотать. Он стоял у калитки, сжимал в пальцах прохладное железо и смотрел на дом — обычный, ничем не примечательный: светлосерая штукатурка, ставни чуть покосились, на крыльце — коврик с выцветшим узором. Дом мамы. Сюда его и отправили: «Поживи, пока ноги не перестанут подгибаться. Пока сны не станут тише». — Ты чего застыл? — голос изза спины заставил его вздрогнуть. Вихрь обернулся. Рядом стояла сестрёнка лет двенадцати, в шортах и футболке с мультяшным котом, держала в руках лейку и смотрела на него без страха, с тем особенным любопытством, какое бывает только у детей, которые ещё не научились бояться чужих. — Да так... — Вихрь неловко поправил лямку рюкзака. — Дом разглядываю. — Это наш, — кивнула она. — Ты, наверное, братик тот самый Вихрь, про которого мама говорила. Про фронтовую дорожку. Слово «фронтовая» она произнесла осторожно, будто боялась, что оно здесь разобьёт эту мирную тишину. — Тот самый, — усмехнулся Вихрь. — Только теперь без дорожки. Теперь тут. Сестрёнка помолчала, потом вдруг спросила: —

А правда, что там всё время грохочет? Вихрь хотел сказать «нет», чтобы не пугать, но не смог солгать. — Правда, — тихо ответил он. — Там грохочет. И земля дрожит. И небо становится серым не от туч, а от дыма. Девочка опустила лейку, будто та вдруг стала тяжёлой. — Мама сказала, что тебе надо отдохнуть. Что ты устал. — Устал, — кивнул Вихрь. — Да только отдыхать... не умею. Из дома вышла мама Лена — невысокая, плотная, с сединой в волосах и взглядом, который сразу всё замечал. Она не бросилась обнимать, не стала сюсюкать — просто подошла, взяла его за рукав и сказала: — Заходи. Суп уже готов. И не стой на пороге, будто ты тут чужой. Ты свой. Внутри пахло луком, хлебом и чемто ещё — тем самым запахом дома, который Вихрь почти забыл. Он сел за стол, положил ладони на прохладную клеёнку и вдруг почувствовал, как плечи опускаются сами собой, будто тяжесть, которую он носил месяцами, наконец нашла куда стечь. Мать поставила перед ним тарелку, положила ложку, села напротив и сказала спокойно: — Сегодня ни про что не спрашивай. Ни про там, ни про потом. Сегодня просто ешь. И дыши. Вихрь кивнул. Взял ложку. И впервые за долгое время почувствовал, что может сделать этот простой, обычный вдох — без оглядки, без расчёта, без мысли о том, что через пять минут придётся бежать. А за окном шелестели листья, и где-то далеко лаяла собака, и всё это было так непохоже на ту жизнь, что осталась позади, что на секунду ему даже стало страшно — вдруг он разучится жить вот так, в этой ти-

шине. Но потом мама тихо сказала:— Я тут, если что. И дом тут. И всё будет по порядку. Сначала суп. Потом день. Потом ночь. А там посмотрим. И Вихрь понял: может быть, именно с этого и начинается мирная жизнь — с супа, с дома, с того, что кто-то рядом просто говорит: «Я тут».

Глава 4

Вихрь стоял у калитки и никак не мог заставить себя толкнуть её. Забор был новенький, покрашенный, с аккуратной планкой по верху — совсем не такой, как те, к которым он привык: покосившиеся, в пятнах копоти, с простреленными досками. Здесь даже гвозди, казалось, сидели ровно, будто кто-то специально проверял каждый.

За забором тихо шелестели листья старой яблони. Где-то в глубине двора квохтала курица. Обычный мирный звук, от которого у Вихря внутри всё сжималось — слишком он не вязался с тем, что жило у него под рёбрами последние годы.

Он приехал сюда не по зову сердца и не ради прогулки. Просто в кармане лежала записка с адресом, а в голове — голос майора: «Съезди, посмотри, поговори. Человек ждёт». И Вихрь поехал. Не потому что хотел, а потому что «надо» до сих пор звучало громче, чем «не могу».

Калитка скрипнула — не громко, но так, что Вихрь невольно напряг плечи, будто ждал очереди. Тут же одёрнул себя: это просто ржавые петли. Не мина. Не засада. Просто старый металл.

— Эй, есть кто? — голос прозвучал хрипло, будто ему редко давали работу. Вихрь прокашлялся, но легче не стало.

Из-за угла дома вышла женщина в простом платье и цветастом платке. Остановилась, прищурилась, рассматривая

гостя. В её взгляде не было страха — скорее усталое любопытство человека, который уже столько раз открывал дверь чужим, что перестал гадать, хорошие они или плохие.

— Вы к кому? — спросила она спокойно, без лишней суеты.

— К Сергею Петровичу, — Вихрь чуть помялся, потом добавил: — Если он тут.

Женщина кивнула, будто это всё объясняло.

— Тут. Только он теперь не очень ходит. После ранения... ну, вы понимаете.

Вихрь кивнул, хотя «не очень ходит» могло значить что угодно. Он знал слишком много вариантов, как война ломает ноги, спины, дыхание — и как потом человек учится жить с этим.

— Проходите, — женщина махнула рукой в сторону крыльца. — Он на веранде сидит. Любит там, говорит, воздух другой.

Вихрь шагнул во двор, стараясь ступать тихо, чтобы снова не скрипела калитка. На веранде, в старом плетёном кресле, сидел мужчина. Лицо было знакомым — не по чертам, а по той самой осанке, по тому, как плечи чуть поданы вперёд, будто человек всё ещё готов в любой момент сорваться с места. Вихрь узнал в этом себя — того, каким он был год назад. До того, как «мир» перестал быть просто словом.

Сергей Петрович поднял глаза, и на секунду во взгляде мелькнуло узнавание — не личное, а такое, какое бывает

между теми, кто ходил одними дорогами и видел одни и те же рассветы перед боем.

— Вихрь? — спросил он, негромко, будто проверяя, не ошибся ли.

— Он самый, — Вихрь остановился у порога веранды, не решаясь пройти дальше. — Простите, что без звонка. Просто... адрес дали, сказали, надо заехать.

Сергей Петрович чуть наклонил голову, будто взвешивал эти слова. Потом махнул рукой — не сердито, а устало.

— Да ладно. Тут не музей, чтобы по записи. Садись, если хочешь. Или стой. Как тебе легче.

Вихрь сел на низенькую скамейку у перил. Сидеть было странно: спина не искала опоры в стене, ноги не были готовы к рывку, а руки не знали, что делать — не держать автомат, не проверять магазин, не поправлять разгрузку. Они просто лежали на коленях, тяжёлые и чужие.

— Чай будешь? — спросила женщина, появляясь с жестяным чайником. — Или кофе? У нас тут по-простому.

— Спасибо, чай, — Вихрь поймал себя на том, что говорит тише, чем обычно. Здесь не нужно было перекрикивать ветер, моторы и грохот.

Пока женщина разливала чай по толстостенным кружкам, Вихрь смотрел на Сергея Петровича и пытался подобрать слова, с которых начинается разговор там, где не стреляют. Не «докладаваю», не «по ситуации», не «цель обнаружена». Что-то другое. Что-то, что не звучит как приказ и не пахнет

порохом.

— Говорят, ты теперь в штабе, — Сергей Петрович нарушил тишину первым, и в этом было что-то правильное: будто он понимал, что гостю тяжело начать.

— Вроде того, — Вихрь пожал плечами. — Не совсем штаб. Больше... связь, координация. Чтобы меньше людей... — он запнулся, не договорив.

— Чтобы меньше людей не возвращались, — закончил за него Сергей Петрович, и в его голосе не было упрёка. Просто констатация, сухая и горькая, как полынь.

Вихрь кивнул. Ему не хотелось оправдываться, да и не было тут никого, перед кем нужно было держать ответ.

Они пили чай в тишине, и эта тишина была не пустой — она была наполнена тем, что оба не произносили вслух. О том, как трудно дышать, когда вокруг не рвётся. О том, как странно видеть, что солнце светит одинаково и там, и тут. О том, как тяжело смотреть в глаза тем, кто остался, и не знать, имеешь ли ты право на этот мирный свет.

Когда кружка опустела, Сергей Петрович поставил её на маленький столик и посмотрел прямо на Вихря.

— Ты не за отчётом приехал, — сказал он уверенно. — И не за справкой. Ты приехал, потому что тебе нужно было увидеть, что кто-то после этого... живёт.

Вихрь не стал спорить. В этих словах было слишком много правды, чтобы пытаться спрятать её за вежливыми отговорками.

— Да, — просто ответил он. — Наверное, да.

Сергей Петрович чуть улыбнулся — не радостно, а так, будто вспомнил что-то далёкое и тёплое.

— Тогда оставайся хоть на час. Посидим. Поговорим про что-нибудь не про войну. Про яблоки, про погоду, про то, как тут у нас забор чинили. Это тоже важно.

И Вихрь вдруг понял, что впервые за долгое время ему действительно хочется остаться. Не потому что «надо», а потому что здесь, в этом тихом дворе, среди шелеста листьев и запаха свежего чая, он мог позволить себе быть не Вихрём-бойцом, а просто человеком, которому нужно немного тишины, чтобы снова научиться дышать

Глава 4(продолжение)

Вихрь сидел на низенькой скамейке и смотрел, как хозяйка, Мария Ивановна, ловко управлялась с простым хозяйством. Всё у неё получалось как-то без суеты: ни лишнего шага, ни брошенного в сторону взгляда — будто каждый жест был заранее продуман и уже тысячу раз повторён.

Она поставила на стол глиняную миску с варёной картошкой, рядом положила пучок укропа, только что сорванного с грядки, и ломти чёрного хлеба, нарезанные толстыми, щедрыми кусками.

— Ешьте, не стесняйтесь, — сказала она, усаживаясь напротив. — У нас тут не ресторан, зато всё своё. Картошка мелкая, но вкусная — с этой стороны огорода солнце лучше греет.

Вихрь взял ломтик хлеба, повертел в пальцах. На фронте хлеб был другим: сухим, твёрдым, будто спрессованным из самой необходимости. А этот пах домом — мукой, печью, чем-то давно забытым, от чего внутри становилось тесно и одновременно легче.

Сергей Петрович, не торопясь, очистил картофелину, положил на край тарелки кожуру — ровную, тонкую, будто срезанную не ножом, а временем.

— Ты не смотри, что у нас тут просто, — сказал он, поймав взгляд Вихря. — Простота тоже по-своему труд. Каждый

день вот так: вода, дрова, картошка, куры... И всё это само не делается.

Вихрь кивнул, не зная, что ответить. На фронте труд был другим: он измерялся метрами, секундами, патронами, птичками. Здесь же труд был тихим, упрямым, незаметным — как дыхание.

Мария Ивановна разлила по кружкам компот из сушёных яблок. Он был кисловатым, с лёгкой терпкостью, и в нём чувствовалось лето, сбережённое в банках.

— В прошлом году яблок было много, — сказала она, будто извиняясь за этот вкус. — Так что теперь пьём и вспоминаем.

За окном квохтала курица, где-то скрипнула калитка, и тут же снова стало тихо. Вихрь поймал себя на том, что прислушивается к этим звукам, словно они были шифром, который нужно разгадать.

После обеда Мария Ивановна принялась мыть посуду. Вихрь хотел было помочь, но она только махнула рукой:

— Сиди. Ты гость. Да и привыкла я одна. Когда Сергей стал плохо ходить, всё сама... Ну, не всё, конечно. Соседи помогают. Тут у нас так: если у кого беда — не ждут, пока попросят. Просто приходят и делают.

Сергей Петрович поднялся, опираясь на палку, и вышел на крыльцо. Вихрь последовал за ним. На ступеньках лежал старый половик, выцветший от солнца и дождей. Сергей Петрович пнул его носком, будто проверяя, на месте ли.

— Знаешь, что тяжелее всего? — спросил он, глядя куда-то вдаль, туда, где за садом начиналась дорога. — Не боль. Не то, что нога не слушается. А вот это: когда ты хочешь помочь, а тебе говорят: «Сиди, не мешай». И ты сидишь. И понимаешь, что для них ты теперь не опора, а... ну, вроде как ребёнок, за которым надо присматривать.

Вихрь молчал. Он слишком хорошо знал это чувство — когда сила, которая раньше была твоим главным инструментом, вдруг становится лишней.

— А ты как? — Сергей Петрович повернулся к нему. — Как ты с этим живёшь? С тем, что теперь не там?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.